

Красавица

Владимир Владимирович
Набоков

Annotation

-
- [Набоков Владимир](#)
 -
-

Набоков Владимир

Красавица

Владимир Набоков

Красавица

Ольга Алексеевна, о которой сейчас будет речь, родилась в 1900 году в богатой, беспечной, дворянской семье. Бледная девочка в белой матроске, с косым пробором в каштановых волосах и такими веселыми глазами, что ее все целовали в глаза, она с детства слыла красавицей: чистота профиля, выражение сложенных губ, шелковистость косы, доходившей до спинной впадинки,-- все это и в самом деле было очаровательно.

Нарядно, покойно и весело, как исстари у нас повелось, прошло это детство: луч усадебного солнца на обложке *Bibliothèque Rose*, классический иней петербургских скверов. Запас таких воспоминаний и составил то единственное приданое, которое оказалось у нее по выходе из России весной 1919 года. Все было в полном согласии с эпохой: мать умерла от тифа, брата расстреляли,-- готовые формулы, конечно, надоевший говорок,-- а ведь все это было, было, иначе не скажешь,-- нечего нос воротить.

Итак, в 1919 году перед нами взрослая барышня, с большим бледным лицом, перестаравшимся в смысле правильности, но все-таки очень красивым; высокого роста, с мягкой грудью, всегда в черном джемпере; шарф вокруг белой шеи и английская папироса в тонкоперстой руке с выдающейся косточкой на запястье.

А была в ее жизни пора,-- на исходе шестнадцатого года, что ли,-- когда, летом, в дачном месте близ имения, не было гимназиста, который не собирался бы из-за нее стреляться, не было студента, который... Одним словом: особенное обаяние, которое, продержись оно еще некоторое время, натворило бы... нанесло бы... Но как-то ничего из этого не вышло,-- все было как-то не так, зря: цветы, которые лень поставить в воду; прогулки в сумерки то с этим, то с тем; тупики поцелуев.

Она свободно говорила по-французски, произнося "жанс", "ау"; наивно переводя "грабежи" словом "grabuges"; употребляя какие-то

старосветские речения, застрявшие в старых русских семьях; но очень убедительно картавя,-- хотя во Франции не бывала никогда. Над комодом в ее берлинской комнате была пришпилена булавкой с головкой под бирюзу открытка -- серовский портрет государя. Она была набожна, но, случалось, и в церкви находил на нее смехотун. С жуткой легкостью, свойственной всем русским барышням ее поколения, она писала -- патриотические, шуточные, какие угодно -- стихи.

Лет шесть, то есть до 1926 года, она проживала в пансионе на Аугсбургерштрассе (там, где часы) вместе со своим отцом, плечистым, бровастым, желтоусым стариком, на тонких ногах в узеньких брючках. Он служил в каком-то оптимистическом предприятии; славился порядочностью, добротой; был не дурак выпить.

У Ольги Алексеевны набралось довольно много знакомых, все русская молодежь. Завелся особый лихой тончик. "Пошли в кинемоньку". "Вчера ходили в дилю". Был спрос на всяческие присловицы, прибаутки, подражания подражаниям. "Не котлеты, а мрак". "Кого-то нет, кого-то жаль..." (Или -- сдавленным голосом, с надсадом: "Гас-спада офицеры...")

У Зотовых в жарко натопленных комнатах она лениво танцевала фокстрот под граммофон, передвигая не без изящества длинную ляжку, держа на отлете докуренную папиросу и, когда глазами находила вращающуюся от музыки пепельницу, совала туда окуроч, не останавливаясь. Как прелестно, как многозначительно, бывало, поднимала она к губам бокал, за тайное здоровье третьего лица,-- сквозь ресницы глядя на доверившегося ей. Как любила в углу на диване обсуждать с тем или с другим чьи-нибудь сердечные обстоятельства, колебание шансов, вероятность объяснения,-- и все это полусловами, и как сочувственно при этом улыбались ее чистые глаза, широко раскрытые, с едва заметными веснушками на тонкой сизоватой коже под ними и вокруг них... Однако, в нее самое никто не влюблялся, и потому запомнился хам, который на благотворительном балу залапал ее, и плакал у нее на голом плече, и был вызван на дуэль маленьким бароном Р., но отказался драться. Кстати, слово "хам" Ольга Алексеевна употребляла очень часто и по всякому поводу: "Хамы", грудью выпевала она, лениво и ласково, "Какой хам"... "Это же хам..."

Но вот жизнь потемнела; что-то кончилось, уже вставали, чтобы уходить... Как скоро! Отец умер; она переехала на другую улицу; перестала бывать у знакомых; вязала шапочки и давала дешевые уроки французского языка в каком-то дамском клубе; так дотянула до тридцати лет.

Это была теперь все та же красавица с очаровательным разрезом широко расставленных глаз и той редчайшей линией губ, в которой как бы уже заключена вся геометрия улыбки. Но волосы потеряли лоск, были плохо подстрижены, черному костюму пошел четвертый год, руки с блестящими, но неряшливыми ногтями были в выпуклых жилках и дрожали от нервности, от хулиганского курения,-- и лучше умолчать о состоянии чулок.

Теперь, когда в сумке шелковые внутренности были так изодраны-- (по крайней мере всегда была надежда найти беглый грош): теперь когда такая усталость: теперь, когда, надевая единственные башмаки, она заставляла себя не думать об их подошвах, точно так же как, входя наперекор чести в табачную лавку, запрещала себе думать, сколько уже там задолжала; теперь, когда не было ни малейшей надежды вернуться в Россию,-а ненависть сделалась столь привычной, что почти перестала быть грехом; теперь, когда солнце зашло за трубу,-- Ольга Алексеевна терзалась иногда роскошью каких-то реклам, написанных слюной Тантала, воображая себя богатой, вон в том платье, набросанном при помощи трех-четырех наглых линий, на той палубе, под той пальмой, у балюстрады белой террасы. Ну и еще кое-чего ей недоставало.

Однажды, едва ее не сбив с ног, з телефонной будки вихрем вымахнула Верочка, подруга прежних лет, как всегда спешащая, с пакетами, с мохноглазым терьером, поводок которого обвился дважды вокруг ее юбки. Она накинулась на Ольгу Алексеевну, умоляя ее приехать к ним на дачу, говоря, что это судьба, что это замечательно, и как тебе живется, и много ли поклонников. ".Нет, матушка, годы не .те,-- отвечала Ольга Алексеевна,-- да кроме того..." Она прибавила маленькую подробность, и Верочка покатила со смеху, склоняя пакеты до земли. "Серьезно",-сказала Ольга Алексеевна с улыбкой. Верочка продолжала уговаривать ее, дергая терьера, вертясь. Ольга Алексеевна, вдруг заговорив в нос, заняла у нее денег.

Верочка была мастерица устраивать всякие штуки, будь то

крюшон, виза или свадьба. Теперь она с упоением занялась судьбой Ольги Алексеевны. "В тебе проснулась сваха",-- шутил ее муж, .пожилой балтиец,-- обритая голова, монокль. В яркий августовский день приехала Ольга Алексеевна, была мгновенно переодета в верочкино платье, перечесана, перекрашена,-- она лениво ругалась, но уступала,-- и как празднично стреляли половицы в веселой дачке, как вспыхивали в зеленом плодовом саду висячие зеркальца для острстки птиц? Приехал на неделю погостить некто, Форсман, русский немец, состоятельный вдовец, спортсмен, автор охотничьих книг. Он сам давно просил Верочку подыскать ему невесту -- "настоящую русскую красоту". У него был крупный, крепкий нос, с тончайшей розовой венкой на высокой горбинке. Он был вежлив, молчалив, минутами даже угрюм, -- но умел тотчас же, как-то под шумок, подружиться навеки с собакой или с ребенком. С его приездом на Ольгу Алексеевну напала дурь; вялая и злая, она все делала не то, что следовало,-- и сама чувствовала, что не то,-- и когда речь заходила о бывшей России (Верочка старалась заставить ее блеснуть прошлым), ей казалось, что она все врет и что все понимают, что она врет,-- и потому она упорно не говорила всего того, что Верочка старалась напоказ из нее извлечь, да и вообще не давала ничему наладиться. Хлопали в карты на веранде и толпой гуляли в лесу,-- но Форсман все больше разговаривал с верочкиным мужем, вспоминая какие-то проделки юности, и оба докрасна наливались смехом и, отстав, падали на мох. Накануне отъезда Форсмана играли как всегда по вечерам в карты на веранде; вдруг Ольга Алексеевна почувствовала невозможное сжатие в горле,-- ей удалось все же улыбнуться и без особого спеха уйти. К ней стучалась Верочка, но она не открыла. Среди ночи перебив сонмище сонных мух в низкой комнате и так накурившись, что уже не могла затягиваться, Ольга Алексеевна, в раздражении, в тоске, ненавидя себя и всех, вышла в сад; там трещали сверчки, качались ветви, изредка падало с тугим стуком яблоко, и луна делала гимнастику на беленой стене курятника. Рано утром она вышла опять и села на уже горячую ступень. Форсман в синем купальном халате сел рядом с ней и, кашлянув, спросил, согласна ли она стать его супругой -- так и сказал: "супругой". Когда они пришли к завтраку, то Верочка, ее муж и его кузина, совершенно молча, в разных углах танцевали несуществующие танцы, и Ольга Алексеевна ласково протянула: "Вот хамы",-- а следующим летом она умерла от родов. Это все. То есть может быть и имеется какое-нибудь продолжение, но мне оно

неизвестно, и в таких случаях, вместо того, чтобы теряться в догадках, повторяю за веселым королем из моей любимой сказки: Какая стрела летит вечно?-- Стрела, попавшая в цель.